

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: Tzouliadis T. The Forsaken. From the Great Depression to the Gulags: Hope and Betrayal in Stalin's Russia. London: Little Brown, 2008. 472 p.

В третьем номере «Ученых записок ПетрГУ», в серии «Общественные и гуманитарные науки» (октябрь, 2008) был опубликован тематический цикл из пяти статей, рассматривающих историю иммиграции финнов из Северной Америки в Карелию в 1930-е годы. К сожалению, лишь после публикации этого номера мне удалось познакомиться с монографией британского автора Тима Цулиадиса «The Forsaken» («Всеми забытые»), в которой рассматривается иммиграция из США в СССР в 1930-е годы – тема, непосредственно пересекающаяся с тематическим циклом третьего номера «Ученых записок». Поскольку в современной историографии – как отечественной, так и западной – монография Тима Цулиадиса является первой попыткой осмыслить феномен американской иммиграции в СССР в целом, можно утверждать, что к этой работе – по крайней мере, в ближайшем будущем – будут обращаться все исследователи, занимающиеся изучением данной темы, в том числе и применительно к иммиграции североамериканских финнов в Карелию. Данная книга уже получила широкий резонанс в западных научных кругах, что выразилось, в частности, в присуждении Тиму Цулиадису престижной британской премии «Longman / History Today Award».

Согласно информации издателя, Тим Цулиадис – писатель и журналист, работавший, в частности, над созданием документальных фильмов

для «Би-би-си». Очевидно, именно профессиональным опытом автора обусловлен жанр, который он выбрал для своего исследования американской иммиграции в СССР. «The Forsaken» по стилистическим и содержательным признакам относится к жанру исторической публицистики, который, в свою очередь, является частью журналистских жанров. Познание истории в журналистике отличается особой спецификой. Если в исторической науке прошлое познается посредством фактов и построения научной аргументации, а в искусстве – через образы, сюжет и создаваемое ими сопротивление, то историческая журналистика находится где-то посередине: с одной стороны, она оперирует фактами, с другой – обращается к прошлому с помощью определенного сюжета (рассказа) и апеллирует к эмоциям читателя. Благодаря этому книги, написанные в жанре исторической публицистики, имеют более широкую аудиторию, чем научная историческая литература, и тем самым играют значительную роль в формировании знаний об истории в обществе. Однако специфика жанра накладывает и свои ограничения: подобные работы обладают меньшими возможностями для обобщения и типизации. Необходимость придерживаться заданной сюжетной линии, как правило, не позволяет им существенно расширять рамки повествования, обращаться к широкой группе явлений и фактов, как это делает научная литера-

тура. В то же время в жанре исторической публицистики недопустим и художественный вымысел – то, благодаря чему столь успешно (по крайней мере, в лучших своих проявлениях) познает прошлое художественная литература.

Еще одна характерная черта многих исторических работ, написанных в жанре исторической публицистики, обусловлена спецификой самой журналистики как области профессиональной деятельности. Если наука и искусство – основные способы познания истории – как правило, переосмысливают события прошлого и тем самым формируют новое знание (по крайней мере, стремятся к этому), то основная миссия журналистики – информировать широкую аудиторию о малоизвестных событиях, то есть не создавать новое знание, а по возможности шире распространять информацию о том, что уже известно. Поэтому от автора, работающего в жанре исторической публицистики, требуются значительные усилия, если он хочет преодолеть законы своего жанра и сказать новое слово в той или иной области знания.

Анализ «The Forsaken» демонстрирует, что именно это не удалось автору в процессе написания своей работы. Тим Цулиадис выстраивает свое повествование вокруг личных судеб членов бейсбольной команды, сформированной в начале 1930-х годов в Москве из американских иммигрантов. Выбор данного сюжета существенно ограничивает как хронологические, так и географические рамки исследования: за бортом книги остались многочисленные американские иммигранты 1920-х годов, которые являются важной частью переселенческого потока из США в СССР, а также иммигранты в другие регионы Советского Союза, в том числе и Карелию, – автор предлагает читателю сведения только о московской и горьковской (нижегородской) американских колониях.

Более того, когда развитие сюжета привело автора к репрессиям 1937–1938 годов, перед ним встал вопрос, который затмил для него основную проблему исследования. Он заключался в общей абсурдности и нелогичности судеб американских иммигрантов: почему советский режим оказался столь жесток к людям, которые искренне стремились помочь ему в построении лучшего будущего? Чтобы ответить на этот вопрос, автор обратился к многочисленным воспоминаниям и исследованиям о сталинских репрессиях и, на наш взгляд, оказался неспособен справиться с огромным объемом доступных источников. Монография Тима Цулиадиса может похвастаться внушительной библиографией, включающей 682 опубликованные работы (как источники, так и исследования), однако большинство этих работ имеют очень опосредованное отношение к истории американской иммиграции в СССР. Тем не менее автор действительно использует почти все эти источники в своем повествовании, поскольку для него ока-

залось чрезвычайно важным понять и осмыслить природу и причины преступлений сталинского режима.

Подобное похвальное стремление привело, однако, к тому, что автор в определенный момент своего повествования переключился с изложения истории американской иммиграции – того, что составляет основной предмет его исследования, – на повторение широко известных фактов о сталинских репрессиях. Это превратило значительную часть его работы в простую компиляцию, которая хотя бы в силу своей вторичности и отсутствия новизны фактически не представляет научного интереса. Впрочем, в этом, как кажется, отчасти проявился сознательный замысел автора – поскольку жанр исторической публицистики подразумевает апелляцию к эмоциям читателя. Тим Цулиадис намеренно приводит в «The Forsaken» примеры, не имеющие никакого отношения к американским переселенцам в СССР, но обладающие очень сильным эмоциональным воздействием на читателя, такие как фотографии умерших или до предела истощенных от голода детей, экзгумированные останки польских офицеров в Катыни, взорванные церкви и прочее. Подобный ход, несомненно, повышает потенциальную продаваемость книги, однако негативным образом оказывается на ее достоверности и авторитете автора.

Уделив лишь незначительное внимание жизни иммигрантов в СССР до начала репрессий (ей посвящены всего 47 страниц из 364 без сносок и библиографии), автор, как следствие, не смог ответить на ключевые вопросы, касающиеся темы его работы: кем были иммигранты из США – американцами в первом, втором, третьем поколении? Какова была социальная и демографическая структура этого иммиграционного потока? Насколько велика была доля ре-эмигрантов и репрессированных среди американских переселенцев в СССР? Информация, с помощью которой автор мог бы ответить на эти и другие важные вопросы, доступна в отечественных архивах, и автор приводит три из них (включая Государственный архив РФ) в списке источников, однако реальных ссылок на российские архивные источники всего пять, что, конечно, не выдерживает никакой критики. Отсутствуют в библиографии и исследования на русском языке, которые могли бы существенно помочь автору в написании его работы. (В действительности автор цитирует большее количество российских архивных источников, однако во всех, кроме пяти указанных, случаях делает это по другим опубликованным исследованиям.) В целом, несмотря на внешне солидную источниковую базу, в действительности исследование перегружено работами, имеющими сомнительную для него ценность (в том числе, например, произведениями Пушкина, Булгакова, Пастернака и др.), в то время как действительно важные источники (даже на анг-

лийском языке – например, работы об иммиграции американских финнов в СССР) автор так и не использовал.

Тим Цулиадис, впрочем, разрабатывает в своей книге еще один сюжет, представляющий определенную научную ценность, – с помощью документов американских архивов и источников личного происхождения он пытается ответить на вопрос: почему власти США, и в частности американское дипломатическое представительство в СССР, не желали оказать помощь своим соотечественникам, оказавшимся жертвами сталинского политического режима? Эта часть книги написана, пожалуй, наиболее корректно с научной точки зрения, поскольку здесь автор вводит в научный оборот неопубликованные архивные источники и с их помощью аргументированно излагает свою позицию, утверждая, что американские иммигранты оказались заложниками сложных политических взаимоотношений между СССР и США.

«The Forsaken» является сильной книгой с точки зрения эмоционального воздействия на читателя. В ее основе лежит история, которая, несомненно, заинтересует массового читателя и привлечет внимание научных кругов к теме американской иммиграции из США в СССР. Однако чрезмерное увлечение автора описанием преступлений сталинского режима привело к тому, что собственно тема его книги оказалась нераскрытой. Автор скорее пересказывает, чем

анализирует источники, и постоянно повторяет общие места исторического знания о советской истории 1930–50-х годов. В конечном итоге его личные пристрастия начинают доминировать над предметом его исследования, и вкупе с незнанием русского языка и неспособностью читать литературу и источники на русском языке это делает «The Forsaken» малозначительной работой в качестве научного исследования. Общие же тенденции западной исторической публицистики (N. B.! не научной литературы), проявившиеся как в этой, так и в ряде других работ, наводят на мысль, что в современном западном обществе выработалась и функционирует устойчивая модель презентации советской истории периода 1930–50-х годов, которая заключается в повышенном внимании к теме репрессий и, по сути дела, игнорировании других аспектов жизни в СССР в этот период. При всей важности обращения к вопросам политических репрессий в СССР – особенно в свете ревизионистских тенденций последнего времени в современном российском обществе – все-таки хочется надеяться, что исследования о советской истории 1930–50-х годов, написанные в популярном жанре исторической публицистики, не будут превращаться в общей массе в пересказ широко известных фактов о сталинских репрессиях, как это произошло, к сожалению, с хорошим по замыслу исследованием Тима Цулиадиса «The Forsaken».